

Виктор Авотиньш — Сергей Мазур

Народный фронт Латвии: грезы о былом

Сергей Мазур:

Начну свой вопрос с фрагмента из вашей речи на Пленуме творческих союзов ЛССР 2 июня 1988 года в Доме политпросвещения в Риге (теперь Дом Конгрессов). Оригинал этой речи на латышском языке опубликован в книге «Пленум творческих союзов» (*Radošo savienību plēnums, 1. un 2. jūnijs. Jumava, 2010. g., lpp. 177-182*).

«Пленум получил очень много предложений, вряд ли редакционная комиссия сможет все их учесть и свести воедино. Но основные направления все же должны быть приняты и утверждены в рамках пленума. На мой взгляд, это: преамбула экономического развития, республиканский хозрасчет, соблюдение последовательной политики в вопросах экологии, отношение к руководству республики, отделение исполнительной власти от законодательной, конституционные свободы, гражданство, латышский язык как государственный, программа развития культуры, отношение к сталинизму, необходимость создания Народного фронта или Форума».

Я бы хотел начать с этой цитаты и задать довольно-таки всеобъемлющий вопрос: что такое Атмода и какую роль, какое место в этом процессе занимали вы? Ведь общество знает вас как одного из инициаторов Атмоды, и идея создания Народного фронта Латвии принадлежит именно вам. И сразу еще вопрос: почему вы не стали премьер-министром?

Виктор Авотиньш:

Потому что я не имею достаточной компетентности, чтобы быть премьер-министром.

*Верховный Совет Латвийской Республики
4 мая 1990 года.*

Почему я не стал лидером Народного фронта и почему снял свою кандидатуру, когда был выдвинут на Первом съезде НФЛ? Незадолго перед этим я встречался с людьми в Огрском районе и на вопрос, как быть с бывшими коммунистами, ответил, что им следовало бы лет примерно десять полностью воздержаться от занятия каких-либо государственных и поли-

Виктор Авотиньш на первом съезде НФЛ.

Митинг НФЛ.

тических постов. Вот поэтому — я поступил в соответствии со своим ответом. Третья причина в том, что у меня не было и нет амбиций стремиться во власть и зариться на какие-либо посты. Закулисье власти — кухню того процесса, как люди получают власть, я не мог терпеть в советское время и не переношу сейчас. Все это не для меня.

Четвертая причина — я все-таки в свое время изучал технологии власти, управления и манипулирования людьми. Поэтому я заметил и, может быть, слишком болезненно воспринял то, что верхние эшелоны НФЛ формируются, отнюдь не согласуясь, скажем так, с меритократическими принципами. Мне хотелось быть идеалистом, хотелось, чтобы представители всех взглядов (включая коммунистов, свободных от догмы, что их партия должна быть монополистом) принимались с пониманием, без выстраивания по ранжиру. А съезд Народного фронта, не осмыслив, не поняв сути высказанных ими предложений, оттолкнул моих преподавателей из РКИИГА (Рижский Краснознаменный институт инженеров гражданской авиации имени Ленинского комсомола). Позже, уже перед Вторым съездом, люди из разных мест Латвии писали мне, что в отделениях НФЛ происходят странные трансформации. Честные, авторитетные люди, которые, возможно, тоже не имеют достаточных амбиций для того, чтобы считать власть самоцелью, вытесняются, а на их место пробиваются приближенные старой номенклатуры. Даже те, кто прежде в своем отношении к советской системе бежал чуть ли не впереди Политбюро, внезапно прозрели и начали столь же рьяно ругать прежний строй. Мне это было противно. Я тогда, воспользовавшись полу-

ченной от людей конкретной информацией, описал ситуацию, однако верхушке НФЛ эти процессы показались несущественными.

Конечно, после 1990 года я стал более открытым, но не думаю, что моя риторика сильно изменилась. Я получал выговоры, меня увольняли с работы, тем не менее считаю, что сегодня советские страхи, если говорить о времени, начиная с середины шестидесятых, преувеличиваются. Да, действительно, можно было поплатиться личным комфортом, карьерой, иногда — сесть за решетку.

Я диссидентом не был и близко, но и не особо стеснялся вести себя так, как хочу. Году, наверное, в 1977-м при обсуждении брежневской Конституции я сказал, что необходимо расширять рамки национального самоопределения — произнес почти те же самые слова, какими много позже обосновывал на Пленуме

Манифестация 14 июня 1988 года.

необходимость создания НФЛ. Еще работая в комсомоле, я стал крестным отцом, то есть принял участие в обряде крещения в храме. Я не могу считать себя верующим человеком — гордыни многовато, однако не счел нужным считаться с правилами, установленными догматической ограниченностью. Были и другие инциденты. Когда работал в газете, написал, на мой взгляд, реалистическую статью о комсомоле. Она глубоко возмутила группу комсомольских лидеров, и меня пришлось защищать Янису Петерсу. Позже я дал добро напечатать объективную информацию о шовинизме партийной газеты в газете «Literatūra un Māksla». За это уволили с должности заместителя редактора «Literatūra un Māksla». Но мне почти всегда везло на людей — на людей, которые оказывались рядом, были лучше меня, были для меня примером.

Сергей Мазур:

Всем известна роль, которая в процессах Перестройки принадлежала Александру Яковлеву. Во время своего визита в Латвию к партактиву республики он обратился приблизительно так: «Либо вы берете Перестройку в свои руки, либо отдаете процесс полностью радикалам». Яковлев в Риге был в августе 1988 года, Учредительный съезд Народного фронта проходит через два месяца, в октябре того же 1988 года. Но еще за год до этих событий,

Протест Интерфронта.

а именно 14 июня 1987 года, группа «Хельсинки-86» организовала публичное возложение цветов к памятнику Свободе. Означает ли это, что у Народного фронта линия становления и развития не была прямой, что существовали альтернативные движения с более радикальными взглядами?

Виктор Авотиньш:

Я только вчера завершил работу над интервью с радикалом того времени Валдисом Штейнсом. Мы как раз говорили об этом: существовала ли альтернатива — или Народный фронт, или радикалы? Но — НФЛ и радикальные националисты в тот момент не были двумя разными, отдельными друг от друга движениями. Это были два условных направления внутри НФЛ. Валдис считает, что националисты проиграли — по причине отсутствия у латышей национальной интеллигенции. Выиграли, по его мнению, реформкоммунисты. Я же считаю, что ситуация сложнее: проигравшим оказался радикализм. Нереально каким-либо искусственным путем избавить людей от личного опыта жизни в Советском Союзе, полученного за пятьдесят лет, далеко не только отрицательного опыта. И сегодня этот опыт советского общежития, по крайней мере, в

быту, на мой взгляд, является фактором, сдерживающим дальнейшую радикализацию.

Кстати, я не имею ничего против этнического национализма — против того национализма, который не ставит одних выше других, а стремится, прежде всего, сделать лучше себя. Поэтому национализм, например, движения «Visu Latvijai!» мне кажется плакатным, непродуктивным. Я не признаю подавление другой культуры, другого мировосприятия, другого мнения, даже если оно касается каких-либо больных для меня исторических событий.

Я чту роль Александра Яковлева в Перестройке, но, глядя из сегодняшнего времени, с учетом полученного за прошедшие годы опыта, я бы не стал соглашаться с его тезисом-призывом — «берите всю власть в свои руки». Ему, вероятно, представлялось, что трансформация большевистской номенклатуры в номенклатуру ультралиберальную принесет успех. Пример Латвии показал, что успех от такой трансформации более чем сомнителен. Я согласен в большей мере с Юрием Афанасьевым, который пришел к констатации того факта, что никакой революции в начале девяностых не было — это всего лишь номенклатура сменила политическую одежду.

«С Юрием Щекочихиным я был знаком задолго до перестройки. Меня с ним познакомили тогда молодые русские поэты Андрей Чернов и Олег Хлебников. На фотографии мы оба — народные депутаты СССР в 1989 году».

Сегодня не следует повторять риторику тех лет, не ахать от стереотипов того времени — нужно здраво и безжалостно давать им оценку. Равно как и оценивать качество нынешнего политического режима. Рано очевидцам тех событий выступать в роли ветеранов и греться в лучах содеянного собственными ру-

ками. Государствообразующие деяния тепла не приносят. Власть взяли, но победы пока не видно.

*«Кремль. 1989 год.
Народные депутаты СССР
Алберт Каулс, Раймонд Паулс и я».*

Сергей Мазур:

Я не случайно акцентирую внимание на том, что Атмода и Народный фронт как ее проявление не было явлением единым. И в вашем выступлении на Пленуме творческих союзов ЛССР 2 июня 1988 года вы акцентировали внимание на расцвете горизонтальных связей — создании Народного фронта или Форума. Однако развитие в дальнейшем преимущественно получили вертикальные связи, механизмы по созданию нового государства.

Вы стали участником Атмоды, войдя в Народный фронт, но не приняли участия в работе того механизма, который был принят местной элитой по созданию нового государства. Причем ваша позиция отказа от власти характерна для любого интеллигентного человека. Вы сослались на то, что вы не компетентны, и отошли от вопроса, связанного с вхождением во власть, но на ваше место пришли переродившиеся чиновники, не все из них были компетентными, и — стали винтиками машины по созданию власти.

Виктор Авотиньш:

Да, в моем ответе присутствует некоторое интеллигентское чистоплюйство.

Но меня заботит не столько вопрос ли-

дерства во власти, сколько вопрос другой — почему НФЛ сравнительно быстро превратился, или извратился, в предбанник власти? Почему это движение не стало жестким и четким контролером новой власти от имени народа? Я о таком курсе в свое время написал немало. Другими словами, почему НФЛ не стал духовным, да и практическим заказчиком власти? Да и слово «народ», по крайней мере, словосочетание «весь народ» с НФЛ с течением времени соотносить стало все сложнее и сложнее. Началась как политическая, так и общественная маргинализация движения. А интеллигенция, которая, как говорит упомянутый Валдис, только и умела, что создавать социалистический реализм. Она тоже предпочла подстроиться под власть, ангажироваться. Так зачем мне было становиться «винтиком машины по созданию власти», если я догадывался или чуял, что создается конструкция, которая меня не устроит? Своего мнения об этом я не скрывал.

Я считаю, что Латвийское государство для всех, для «народа Латвии», в конституционном понимании этих слов, пока не сформировано. Единого общества нет. Наличие гражданского общества и политической нации сомнительно. Официальные интеграционные предложения работают скорее на раскол. Оппозиционные идеи не рассматриваются по существу, а нарекаются «рукой Москвы». Кроме того, это — вполне типичная ситуация для постдемократических стран, среди которых Латвия не является исключением. Власть срастается с финансами, но не срастается с народом. Демократию олицетворяет не избиратель, а узкие политэкономические группы. Власть перемещается от национальных правительств к транснациональным корпорациям (см. К. Крауч и др.). Благодаря успешным моделям управления демократией, процессом выборов, ранее монолитные социальные группы размываются. Ими становится легко манипулировать. Демократические институты становятся формальностью, и так далее.

Тут еще и сомнительная способность справляться с современным потоком информации. Именно эта способность сегодня, на мой взгляд, определяет компетентность правителей. Мир стал одновременно и шире, и доступнее. А если наш национализм все еще предпочитает двигаться задом наперед и обходиться без осмысления сегодняшнего контекста, без единых принципов общежития в

этой стране, то даже «в семье развитых стран» нам не светит стать развитой страной.

Сергей Мазур:

Если процессы не осмыслены, не поняты, тогда для их понимания применяют метафору. Как вы относитесь к такой метафоре, что Атмоду можно сравнить с Февральской революцией в России 1917 года, а уже становление государства — с радикальными процессами октября 1917 года?

Виктор Авотиньш:

Это карикатурное сравнение. Я не специалист, чтобы рассуждать о Февральской революции, вы лучше меня знаете эту тему. Совпадали ли причины? Да, возможно, в какой-то мере причины Февральской революции и крушения СССР совпадали. Но — не причины становления НФЛ. Может быть, я ошибаюсь, но считаю, что причиной Февральской революции послужила извращенность верхов. Революция произошла из-за нежелания и неспособности элиты трезво оценить ситуацию в Российской империи и вовремя измениться. Перестройка, как тогда провозглашалось, задумывалась для того, чтобы изменить и сохранить страну, но оказалось, что элита этой миссии предпочла самосохранение.

Что до НФЛ, то если говорить в общих чертах, имея перед собой итог, я, пожалуй, соглашусь с мнением, которое утверждает, что народ событий 1988–1990 годов не ожидал и не вынашивал. Я бы сказал, что это было в своем роде восстание обреченных без душевного самопереустройства. Потому нам так легко удалось сменить Москву на Брюссель.

Конечно, был огромный духовный подъем. Конечно, Атмода привела к изменению формата страны. Да, в Народном фронте было 240 тысяч человек. Но уже перед Вторым съездом НФЛ можно было заметить, что борьбу идеалов сменяет борьба интересов. Даже национальные чувства не смогли стать основой реальной политики, а пребывают инструментом борьбы за власть и размежевания людей.

Сергей Мазур:

Если предположение о радикализации верно, то какую роль в ней сыграла латышская эмиграция — Тримда? Принимала ли она участие в организации механизма по созданию или воссозданию государства?

Виктор Авотиньш:

Тримда сыграла положительную роль тем, что ее представители среди прочего со-

хранили и политическое наследие независимой страны. Тримда правильно указала на ряд явлений, где мы опоздали национальное. Я сожалею, что наши политики иногда смотрели Тримде в карман вместо того, чтобы смотреть ей в глаза. Но, с другой стороны, ее представители приходили к нам со своими мерками, своим отношением к жизни, им была непонятна мотивация, непонятно поведение людей, которые составляли здесь основу Атмоды и искренне выступали за демократию и за независимость. Они не обладали должным чувством реальности. Наши и их представления о последовательности и темпе действий отличались. И, безусловно, редко кто из них не считал русскоязычную диаспору чужеродным телом.

Но обвинять Тримду в радикализации? Вряд ли. Среди представителей Тримды были радикалы. Однако скорее местные радикалы зывали к Тримде как к аргументу в свою пользу, чем Тримда в целом провоцировала радикализацию. Ведь Тримда в целом не пошла по пути «Visu Latvijai!», а пошла за партией «Латвийский путь».

Сергей Мазур:

Последний вопрос касается роли русских в Народном фронте Латвии. Наш Альманах называется «Русский мир и Латвия», и потому вопрос закономерен. У меня сложилось впечатление, что у русского сообщества в Латвии к концу 80-х годов еще не сформировалось чувство исторической памяти. Это сообщество еще не знало о репрессиях, не знало историю Первой республики, уж точно не знало вкла-

Здесь видны мои основные приоритеты в ту пору: дочь Лайма, сын Янис, жена Илгнесе. Осень 1990 года. Мои дети чуть моложе НФЛ. Для меня они — более значимая инвестиция в Отечество, чем вся политическая суета.

да русских в становление и развитие Первой республики. Когда начались события Атмоды, русское сообщество оказалось не готовым принимать вразумительные решения. И все же русские входили в Народный фронт.

Виктор Авотиньш:

В плане исторической памяти и слов «не знали», я не стал бы выделять кого-то особо — русских ли, латышей ли... У всех тогда хватало советского «незнания». Меня больше волнует, почему сегодня знание, в том числе объективное знание истории, не определяет качество нашего бытия? Во всяких смыслах — как в социальном, так и в образовательном, в философском, в мыслительном.

Полагаю, что горизонтальное качество бытия до сих пор является определяющим — и для политиков, и для интеллектуалов. Роль интеллигенции в жизни не видна, однако оправдываться «незнанием» девяностых сегодня уже никак нельзя.

Я думаю, что как раз та духовная, да и политэкономическая немощность, которую элита проявила в отношении видения будущего страны, определила тот феномен, что слово «русский», страх того, что «русские идут», стали для латышских партий чуть ли не основным инструментом сохранения власти. Свою роль сыграло и то, что их лидеры зачастую были «мелкомасштабными», мелкотравчатыми и предпочитали популизм стабильному, фундаментальному созиданию страны и общества.

Русские в НФЛ? Пока словами-символами отторжения были «большевик», «чекист», «коллорационист», «номенклатурщик», русские и русскоязычные, несмотря на противодействие радикалов, в НФЛ были на равных с латышами. Или почти на равных. Думаю, что латыши, не страдающие комплексом собственной национальности, их — М. Костенецкую, Л. Азарову, В. Дозорцева А. Мальцева, В. Богданова, А. Григорьева и многих других — искренне уважали. И Володя Линдерман в ту

пору тоже был уважаемым народофронтовцем. Но где-то на подходах ко Второму или Третьему съезду русскоязычные, в частности, Б. Цилевич, сами заметили, что НФЛ превращается в организацию одного этноса. Точку поставил 1992 год. Я согласен с Владленом Дозорцевым, что имело место некое предательство.

Но роль русских и русскоязычных людей в становлении и укреплении НФЛ очень значительна. Как местных русских, так и русских в более расширительном смысле. Вместе с Сашей Мальцевым и Володей Богдановым мы сочиняли первый призыв к созданию НФЛ. А сколько у нас было единомышленников в России, которые поддерживали Латвию, как в равной мере Литву и Эстонию, которые отстаивали совместные идеи на съездах Народных депутатов СССР, и так далее. Об этом тоже не надо забывать. Я убежден, что именно недальновидность и корпоративность лидеров НФЛ привели к тому, что основную массу жителей, говорящих на русском языке, вскоре начал представлять Интерфронт, что в стране возникли «латышские» и «русские» партии...

Эта недальновидность серьезно отразилась на качестве созданного нами государства. Мы — расколотовое политикой общество. У нас достаточно показать на другого «политическим пальцем», добавив, что тот — русский или латыш, чтобы мы завелись через политику. Следовательно, нами легко манипулировать. При таком положении мы — общество в целом — являемся гарантом незыблемости власти. Поскольку «пар» социальной напряженности всегда можно выпустить через межэтнические страхи. Можно ли ожидать процветания, если треть населения страны толком не знает, является ли она созидательным ресурсом для Латвии или нет? Потому нам будет и весьма сложно мобилизоваться, если какая-либо из глобальных проблем коснется нас напрямую. Народный фронт был народным по своей сути очень короткий период времени. К сожалению.